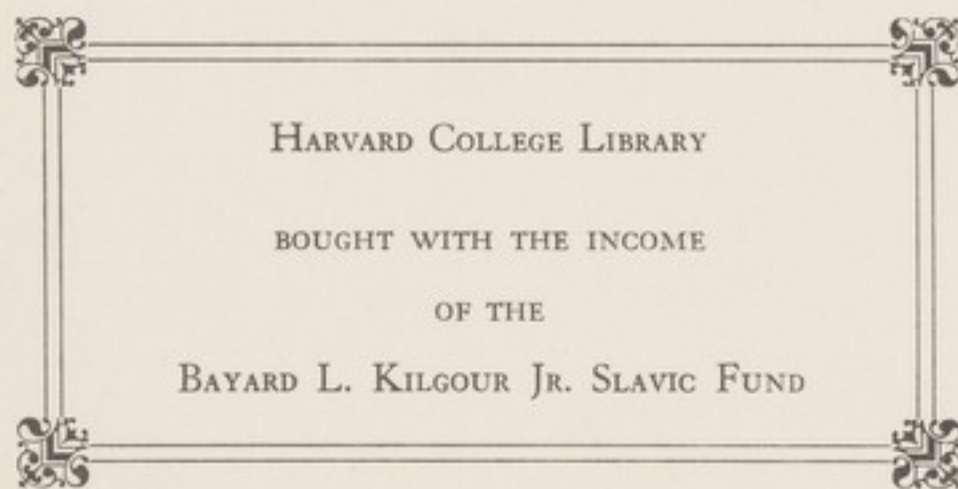

P Slav
158
2(1)

PSlav 158.2 (1)

БОГЕМА

ПОЕЗІЯ

ПРОЗА

КРИТИКА

№ 1.

1915г.

АЛЕКСАНДРЪ ГЕГЕЛД.

Δ
PSlav 158.2 (1)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
14 SEP 1966

Отъ редакціи.

Мы—Богема!

Безпокойная, бездомная, мятежная Богема, которая ищетъ и не находитъ, творить кумиры и разбиваетъ ихъ во имя новаго божества.

Въ насъ созрѣваетъ творчество, которое жаждетъ прекрасной Формы.

И въ этотъ моментъ, когда искусство терзаютъ вопли и кривлянія футуристовъ, надутое жеманство акмеистовъ и предсмертные стоны мистиковъ; когда храмъ превращенъ въ рынокъ, гдѣ торгуютъ рекламой джингоизма, гдѣ справляютъ бумажную оргію за счетъ великой и страшной войны—мы откладываемъ въ сторону личины, бубенцы и факелы, пестрые лоскутья карнавала.

Мы обрываемъ свистъ, покидаемъ кабачки и чердаки, мы отправляемся въ далекій путь иска-

нія новой Красоты, ибо въ одной Красотѣ боевой мечъ всеутверждающаго, жизненнаго «Да».

Красота вѣнчаетъ Форму.

Форму, вѣчно умирающую и вновь рождаемую, такъ какъ нѣтъ конца исканіямъ, и вѣчно въ даль уходитъ божественная, недосягаемая Идея.

Васъ, молодые, одиноко-ищущіе,—мы зовемъ съ собой на этотъ новый путь.

Васъ зоветъ Богема, одна свободная среди несвободныхъ, берущая жизнь, какъ царь, изъ своей муки и позора подобно женщинѣ творящая Формы.

Придите къ намъ.

Мы—Богема!

Открыта подписка на новый литературно-художественный и научно-критическій журналъ

Поэзія—Проза—Критика.

„БОГЕМА“

Поэзія—Проза—Критика.

Абонементъ на 24 выпуска:

„ 12 „

ВЪ ПЕТРОГРАДѢ

3 руб. — коп.

1 руб. 75 коп.

ВЪ ПРОВИНЦІИ

3 руб. 50 коп.

2 руб. — коп.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА: ПЕТРОГРАДЪ, ЗАГОРОДНЫЙ ПР., Д. 40, КВ. 11. ТЕЛЕФОНЪ № 43-08.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. АВТОРОВЪ:

Рукописи должны быть написаны четно на одной сторонѣ листа. На отвѣтъ и возвращеніе рукописи слѣдуетъ приложить почтовые марни.

Пріемъ по дѣламъ редакціи отъ 5—8 час. вечера ежедневно.

№ I. Мартъ.

БОГЕМА

1915 годъ.

ПОЭЗІЯ—ПРОЗА—КРИТИКА.

А. Лозина-Лозинскій.

MAESTRO.

Кто мальчикомъ еще таился и любилъ
Портьеры тяжкія и запахъ фоліанта,
Робъ-Роя, Зигфрида и капитана Гранта,
Кто плакалъ безъ причинъ, былъ нѣженъ,
былъ безъ силъ—

Того отмѣтилъ Богъ проклятіемъ таланта.
Быть можетъ, Богъ его въ раздумьи уронилъ
На красные цвѣты запущенныхъ могилъ,
Не зная, что создать — пигмея иль гиганта.

Сталъ мальчикъ юношей, и лампа Алладина
Вела его въ толпѣ фигляровъ и бродягъ,
На немъ была всегда минутная личина,
Его влекла къ себѣ бездонная трясина,
Онъ былъ влюбленъ въ намекъ, въ уродливость,
въ зигзагъ,

И ночью мучила его Первопричина,
Когда взбирался онъ пугливо на чердакъ,
Гдѣ точно blanc-noir, легли луна и мракъ.

Сталъ взрослымъ юноша, когда онъ понялъ сухо,
Что непонятна ночь, а лозунгъ дня „дави“...
О, у него былъ стиль, и взглядъ, и тонкость слуха,
И сердце было все въ запекшейся крови.
И онъ maestro сталъ и бросилъ жизнь *bravi*...
Но по ночамъ артистъ въ подушку плачетъ глухо,
Что въ жизни онъ не зналъ самоотдачи духа,
Простой, не мыслящей, бессмысленной любви!..

В. Злобинъ.

* * *

Кто вырастетъ, играя въ Би-ба-бо,
Цѣлуя передъ сномъ гримасный ротикъ,
Кто насъ полюбитъ въ мракъ библиотекъ,
Какъ мы—эпоху буклей и жабо,
Тотъ, можетъ быть, найдетъ въ пыли поэмъ,
Въ прозрачныхъ пятнахъ сочнаго офорта—
Такой-же блескъ, какъ въ замкахъ Кенильворта,
И грусть уже потухшихъ діадемъ.
И будетъ онъ душою букинистъ,
Влюбленный въ почернѣвшія гравюры,
Въ пано, стихи и въ отзвукъ увертюры,
Забытой, какъ осенне-хрупкій листъ.
И въ мѣрномъ шагѣ бронзовыхъ минутъ,
Въ усталомъ снѣ могильно-темныхъ комнатъ,
Онъ ихъ найдетъ. Ихъ снова вспомнать...

вспомнать...

Они живутъ.

Лариса Рейснеръ.

* * *

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЛЕКЦІИ ПО БІОЛОГІИ).

I.

Я вамъ рассказывалъ, что всякій эпителий
Слагается изъ однородныхъ клѣтокъ;
Изъ множества живыхъ, творящихъ келій—
Отъ общаго отца рожденныхъ однолѣтокъ.

Неумолима жизнь—и время убиваетъ,
Стирая верхній слой хранительницы ткани...
Вы смущены? Примѣры поясняютъ—
Вотъ подъ стекломъ рога двугодовой лани.

Я ихъ нашелъ въ лѣсу, у корня древнихъ
сосенъ,

Гдѣ такъ мучительно-душисты травы.
Когда еще весна напоминаетъ осень,
И небо надъ землей, какъ тусклая оправа.

Когда усыпаны янтарной пылью вербы,
Ночь отошла, а день еще не близко—
И завершёнъ въ блаженный часъ ущербъ
Неуловимый путь серебрянаго диска...

II.

Прошло три мѣсяца,—и прежними мѣстами
Мнѣ какъ-то проходить случайно довелось.
Смѣялся Августъ жадными устами,
Вращалась медленно полуденная ось.

Долина тучная производить устала,
Но солнечный пожаръ настойчивъ и глубокъ.
День развернувшись, — какъ лабиринтъ

Дедала,
И въ медленныхъ рукахъ — спасительный
клубокъ.

Вокругъ меня земля ударами изрыта;
Изнемогающую сбрасывая лѣнь,

Прохладой сонныхъ травъ ласкающій копыта
Извилистой тропой къ ручью идетъ олень...

Безъ напряженія опущенныя плечи,
Рога, сомкнувшіе свой полноцѣнный кругъ,
Напоминаютъ мнѣ порывистыя встрѣчи
Откинутыхъ назадъ, изнеможенныхъ рукъ.

Подобной красоты спокойно-бестіальной
Не можетъ воплотить ремесленный станокъ,
Она закончена—и все таки печальна
Отъ узкой головы до сухощавыхъ ногъ.

III.

И, чѣмъ обильнѣе питающіе соки,
Всегда послушные бѣженію аортъ—,
Тѣмъ легче этотъ кругъ, вѣтвистый и
широкій

Надъ закругленными висками распростертъ.

Безшумно дѣлятся кометы-центрозомы.
И, какъ за молодымъ пирующимъ столомъ,
Гдѣ рѣчи пламенны, а лица незнакомы,
Случайные друзья не помнятъ о быломъ—

Такъ въ исполненіи творящаго закона
Надъ разложеніемъ среды вознесена,
Переродивъ ея безжизненное лоно,
Восходитъ клѣточекъ упругая стѣна.

Её безсмертіемъ вѣнчалъ Буонаротти
И, зная творчества мучительный восторгъ,
Благословилъ пожаръ освобожденной плоти
И царственныхъ звѣрей изъ мрамора исторгъ.

А между тѣмъ олень лукаво и упорно,
Блестая синевой расширенныхъ глазницъ,
На мнѣ остановилъ ихъ радужныя зерна,
И я съ тревогою глаза потупилъ ницъ.

П. А. Шиллинговскій.

«БѢГСТВО ЛОТА».

Гиллель Розовъ.

Элька.

. . . Старый Ноте, мудрый старый Ноте!
У тебя одна дочь—и ее зовутъ Элька.
И она красивѣй всѣхъ дѣвушекъ въ мѣстечкѣ.
Ты это знаешь, папочка!
Скажи, ты видѣлъ еще такіе бѣлые ровные зубы, какъ у меня?

Скажи, ты видѣлъ еще такія длинныя, красиво-загнутыя рѣсницы, такія тонкія руки, такую стройную фигуру. Скажи, ты видѣлъ?

Вѣдь ты все знаешь, мудрый Ноте! Ты все и всѣхъ знаешь.

Ха-ха-ха... Ты улыбаешься...

Конечно, нѣтъ! Нѣтъ никого красивѣе твоей Эльки. Нѣтъ никого умнѣе, стройнѣе ея. И никто такъ не умѣетъ смѣяться, какъ она!

Ха-ха-ха... Ну, не сердись, старый! Я больше не буду... ха-ха... я не буду... но не могу. Пойми, папочка, мнѣ семнадцать лѣтъ. И мнѣ такъ хочется смѣяться.

. . . Скажи мнѣ чтонибудь про маму. Она тоже смѣялась, какъ ея Элька... У нея были такіе-же глаза и рѣсницы, такіе-же тонкія руки и бѣлые зубы, да?

Я ее совсѣмъ не помню... Я была тогда совсѣмъ маленькая...

Бѣдная, маленькая Элька...

Нѣтъ, нѣтъ! Я не буду плакать... Я такъ... только вспомнила.

Я знаю тебя, мой милый Ноте! Я знаю тебя, твои маленькіе глаза съ морщинками подъ ними, твои густыя сдвинутыя брови, твой мудрый лобъ.

. . . Ха-ха-ха... Мнѣ смѣшно, ужасно смѣшно... Когда я вижу нашего молодого раввина, когда я вглядываюсь въ его туповатое лицо съ узкимъ лбомъ, я спрашиваю себя: почему онъ—раввинъ, а ты—синагогальный сторожъ? Ты—мудрый, ты—милый старый Ноте—синагогальный сторожъ!

Но у тебя есть дочь, одна дочь—и ее зовутъ Элька.
И она красивѣй всѣхъ дѣвушекъ въ мѣстечкѣ.

. . . Старый Ноте, мудрый старый Ноте!

I.

Ее въ мѣстечкѣ не любили.

Она была молода и красива, она одѣвалась просто, но какъ-то особенно, не такъ, какъ всѣ дѣвушки мѣстечка; и всякій нарядъ оттѣнялъ ея молодую красоту, и всякая складочка на платьѣ ея говорила о розовой прелести дѣвичьяго тѣла; и ходила она не такъ, какъ всѣ: слегка раскачивая свой гибкій станъ. И смѣялась она необычно-звонкимъ, переливчатымъ смѣхомъ.

За дерзкую красоту, за свободу и порывистость движеній, за звонкій смѣхъ не любили Эльку въ мѣстечкѣ.

Всегда, когда она появлялась на улицѣ, шли разговоры о ней.

— Ой, вы слышите, эта потаскушка уже смѣется...— говорили съ отвращеніемъ еврейки, уловивъ одиноко звенѣвшій въ тиши глухого мѣстечка голосъ Эльки.

— Эта дрянь позоритъ еврейскій народъ. Чтобъ ее лихорадка скрутила, чтобъ ей на горячихъ сковородахъ метаться на томъ и на этомъ свѣтѣ, ой, чтобъ она...

— Перестаньте, Брайна, ругать дѣвушку!—заступалась благочестивая старушка Голда.—Она таки дрянь, она таки стоитъ, чтобъ ее холера скрутила въ полчаса, она можетъ сгорѣть на медленномъ огнѣ, чтобъ отъ нея и пепла не осталось, но она все таки сиротка. Кто ее воспитывалъ? Никто! Выросла одна безъ матери, на рукахъ у этого стараго дурака Нотке, а что онъ понимаетъ. Онъ знаетъ только свою синагогу. А все, что его Элечка дѣлаетъ—для него Моисеева Библия!

— У-у! Эта Элечка... Ее нельзя въ еврейскій домъ пускать.

— А вы слышали исторію съ приставомъ—захлебываясь, смакуя каждое слово, въ сотый разъ передавала Хьена, исторію о томъ, какъ Элька цѣлыхъ полгода жила со ставнымъ приставомъ.

— Ой...—ухмылялась благочестивая Голда.—Я думала, Хьена, что вы таки умная женщина, а говорите „полгода“. Х-мъ, почему не годъ, почему не два, я васъ спрашиваю? На нее все можно повѣрить!

— Вы видите, какъ она ходитъ... Смотрите только, какъ она вертитъ бедрами. Тьфу, прости, Богъ Израиля! Такъ развѣ ходитъ еврейская дѣвушка...

— Дрянь!..

— Потаскушка!.. Чтобъ она въ землю провалилась...

— Чтобъ она сгорѣла!..

А Элька шла, плавно раскачивая свой гибкій станъ и звонко смѣялась. Впереди нея Симха велъ лошадей на водопой. Маленькій, совсѣмъ маленький жеребецъ бѣгалъ позади, забѣгалъ впередъ, пролѣзалъ подъ брюхомъ матери, метался межъ ногъ ея и громко, пугливо ржалъ. Элька старалась поймать жеребенка за хвостъ, гонялась за нимъ по всей улицѣ и звонко смѣялась.

Она знала, что ее проклиняютъ еврейки. Она знала, что къ ней протягиваются ихъ указательные пальцы.

Но ей было все равно. Какое ей дѣло до евреекъ!

Вѣдь ей семнадцать лѣтъ. И ей такъ хочется смѣяться...

II.

Элька была совсѣмъ одинока.

Старый Ноте всѣ дни проводилъ въ синагогѣ, а часто и ночевалъ тамъ. Утромъ приходила сосѣдка Гитта, варила обѣдъ, убирала комнаты и ругалась. Элька не могла понять, почему она ругается. Вѣдь ей за труды платятъ каждую пятницу цѣлый серебряный рубль, а она ругается.

Если-бъ у Эльки было, она бы ей платила больше.

Гитта такая жалкая. У нея худое, изможденное лицо, совсѣмъ блѣдное, болѣзненно-горящіе глаза и всегда выдающийся холмикомъ животъ. У ногъ ея вѣчно путается ворохъ грязныхъ юбокъ.

Элькѣ жалко Гитту, но и смѣшно смотрѣть на маленькую худую фигурку съ большимъ животомъ и ворохомъ грязныхъ юбокъ, задранныхъ кверху. Неужели и она — Элька когданибудь будетъ такой!..

При мысли объ этомъ Элька не можетъ удержаться и громко смѣется. А Гитта ругается, отчаянно, злостно, проклиная всѣхъ и все.

... Зимою Элькѣ скучно.

Съ утра до вечера она валяется въ кровати, ей лѣнь подняться. Она лежитъ и напѣваетъ какія-то странныя пѣсенки. Она не помнитъ, гдѣ и когда она ихъ слыхала. Но, кажется, лѣтомъ.

Такъ поютъ крестьянки, возвращаясь съ полей. Такъ поетъ уходящій день.

Грустная, уплывающая, влекущая за собой мелодія.

Въ сумерки Элька поднимается, затихаетъ, какъ весеннимъ вечеромъ усталые ручьи и, прильнувъ горячимъ лбомъ къ самому окну, вглядывается въ темные силуэты домовъ, въ одинокія тѣни прохожихъ.

Тогда ей чудится другая жизнь. Ей рисуется городъ, котораго она еще никогда не видѣла. Шумный, многоголовый городъ, съ великанами—домами, съ вѣчно праздничной толпой. Навѣрно тамъ въ городѣ всегда играетъ музыка, и всѣмъ весело!..

И Элькѣ хочется убѣжать изъ этого маленькаго, заброшеннаго, снѣгомъ похороненнаго мѣстечка туда, въ яркій, многоцвѣтный, многоликій городъ...

Но потомъ приходилъ отецъ изъ синагоги. Приносилъ дрова, растапливалъ печь и шопотомъ молился. Элька сразу отрывалась отъ мыслей о городѣ и жадно, и радостно ловила молитвенный шопотъ отца, прислушивалась къ скрипучимъ шагамъ его, вглядывалась въ знакомыя любимыя черты, и что-то родное ласкало сердце. И хотѣлось всегда быть въ этой маленькой комнаткѣ, смотрѣть на старое, изборожденное мыслью лицо отца и слушать его тихую молитву.

Послѣ ужина придвигалась скамейка къ жарко растопленной печкѣ, отецъ поправлялъ дрова, и лицо его озарялось мягкимъ кровавымъ свѣтомъ.

Элька опускалась рядомъ на колѣни и, глядя на тлѣющіе уголья, переливающиеся огненнымъ блескомъ, слушала тихій рассказъ отца.

... Былъ когда-то мудрецъ, великій мудрецъ. Съ юныхъ лѣтъ до глубокой старости онъ рылся въ запыленныхъ фоліантахъ Талмуда, онъ дни и ночи проводилъ въ синагогѣ надъ изученіемъ сложнѣйшихъ текстовъ Геморы, онъ чего-то искалъ среди квадратныхъ буквъ. И, когда онъ состарился, онъ нашелъ. Этотъ великій мудрецъ узналъ значеніе слова Адонай, онъ понялъ что такое Богъ. И его душа, и мысль его поднимались въ небеса. Этотъ человѣкъ, узнавшій Бога, хотѣлъ проникнуть въ тайны небесныя и оттуда, съ высоты смотрѣть на землю.

— Я бы тоже хотѣла подняться въ небеса—перебиваетъ Элька отца,—я бы увидѣла нашихъ евреекъ, сидящихъ на заваленкахъ у домовъ, онѣ покажутся съ высоты маленькими, маленькими. Я не увижу выраженія ихъ лицъ, но я знаю: онѣ будутъ сплетничать. Ха-ха-ха... Вѣдь онѣ всегда сплетничаютъ!

Старый Ноте долгимъ любовнымъ взглядомъ смотритъ на дочь. Потомъ отрывается отъ мыслей, которыхъ всегда много въ его старой головѣ, начинаетъ быстро мѣшать кочергой потухающіе уголья въ печкѣ.

— Мы заговорились, Элька! Уже совсѣмъ истопилось...

— Папа! А мудрецъ?..

— Мудрецъ?.. — Ноте перестаетъ мѣшать въ печкѣ и задумчиво, словно вспоминая что-то, говоритъ:—Когда онъ узналъ тайну небесъ, онъ больше на землю не вернулся...

Такъ бывало зимой.

Но едва наступала весна, и за мѣстечкомъ сверкали первой зеленью луга, Элька съ утра покидала комнаты и, какъ мотылекъ, безцѣльно бродила по кривымъ улицамъ мѣстечка, оглядываясь вокругъ счастливыми глазами, словно впервые видѣла эти улицы, дома и людей. Всюду слышался ея звонкій, никого не стѣсняющійся смѣхъ. Всюду встрѣчалась ея стройная фигура въ яркомъ платьѣ, бросающемся въ глаза.

И улица оживала, улица волновалась и сплетничала, словно свѣжій, возбуждающій вѣтерокъ несла за собой чернокудрая Элька.

Часто она забѣгала къ отцу въ синагогу. Безъ обыкновеннаго страха, свойственнаго всѣмъ дѣвушкамъ, входила она въ мужскую молельню, становилась у двери и большими пытливыми глазами розыскивала отца. Когда Ноте замѣчалъ ее, онъ, потупивъ взоръ, недовольный подходилъ къ ней и коротко спрашивалъ:

— Зачѣмъ, а?

Элька молча и порывисто обвивала своими оголенными красивыми руками шею отца, звонко цѣловала его и, смѣясь, убѣгала изъ синагоги. Молча смотрѣлъ ей вслѣдъ пристыженный почему-то Ноте. Онъ боязливо озирался вокругъ: не замѣтилъ-ли кто. Но въ душѣ копошилось горделивое чувство отъ сознанія, что такую дочь имѣетъ онъ одинъ, что Элька красивѣй и умнѣе всѣхъ дѣвушекъ въ мѣстечкѣ. И радостный туманъ заволакивалъ сердце его.

А Элька, побродивъ по мѣстечку, уходила въ поле. Она иногда днями пропадала гдѣ-нибудь въ лѣсу или въ сосѣдней деревнѣ и только къ вечеру утомленная возвращалась домой. Но случалось, что и къ ночи не возвращалась домой Элька. Тогда Ноте оставлялъ синагогу и отправлялся искать свою дочь.

Однажды онъ ее нашелъ за три версты отъ мѣстечка у самой рѣки, гдѣ на ночь расположились рыбаки. Большой костеръ пылалъ на берегу; у огня сидѣли мужики рыболовы изъ сосѣдняго села, рядомъ на сырой травѣ лежала Элька въ легкомъ платьѣ и, задумчиво глядя на огонь, подбрасывала хворостъ въ костеръ.

— Что ты здѣсь дѣлаешь, Элька?

Дѣвушка вздрогнула отъ неожиданности, подняла вверхъ на блѣднаго отца свои глаза и спокойно отвѣтила:

— А такъ... Заблудилась, ночь настала, я и рѣшила ночевать у костра. А какъ здѣсь интересно, папочка!

Она вскочила, прижалась къ дрожащему отъ волненія отцу и стала цѣловать его.

— Идемъ скорѣй уже домой, идемъ... Ты вѣдь можешь простудиться у рѣки, такъ сыро... А какъ ты не боялась одна съ мужиками?

— Ничего, папочка! Они такіе славные, они мнѣ рассказывали, какъ ловятъ рыбу ночью. Понимаешь, папочка? На носу у лодки горитъ факель и глубоко, глубоко видна рѣчка, даже дно видать...

— Ну...—недовольно протянулъ Ноте—пойдемъ скорѣй!..

Какъ ни старался Ноте, на завтра всѣ въ мѣстечкѣ знали объ исчезновеніи Эльки и говорили, что ее нашли съ мужиками у рѣки.

И начинались новые толки.

III.

Много нехорошаго приходилось старому Ноте выслушивать о своей единственной дочери.

— Ноте! Смотри за своей дочкой, смотри... Нехорошо это!—говорили ему прихожане.

Молча слушалъ ихъ Ноте. Маленькіе глаза его загорались подъ густыми бровями, въ груди что-то злобно вспыхивало и хотѣлось крикнуть, чтобъ они лучше за собой смотрѣли. Но... почтительно молчалъ въ отвѣтъ почетнымъ прихожанамъ синагогальный сторожъ Ноте. Онъ вѣрилъ въ свою дочь, какъ въ святыню, и слова болтливыхъ прихожанъ задѣвали его не потому, чтобъ онъ вѣрилъ имъ, а мучали его, какъ всякая неправда—и больше—какъ святотатство. Оскверняли лживыми словами его святыню, его чистую, прекрасную Эльку!..

Однажды послѣ вечерней молитвы, когда въ синагогѣ были уже потушены лампы и только семисвѣчникъ горѣлъ у алтаря, къ Ноте подошелъ молодой раввинъ и, взявъ сторожа за пуговицы сюртука, тихо и значительно произнесъ:

— Слушай, Ноте!.. Мнѣ нужно тебѣ сказать... я слышалъ... про дочь твою слышалъ, что она ведетъ себя не такъ, какъ подобаетъ еврейской дѣвушкѣ. Смотри, Ноте!

— Это неправда, ребѣ!—поднявъ на раввина молящій взоръ, отвѣтилъ Ноте.

— А я тебѣ говорю: правда! Посмотри за ней хорошенько, не бери на себя такого грѣха. Послѣди, Ноте!

— Неправда!—рѣзко, не своимъ голосомъ выкрикнулъ сторожъ. Онъ впервые такъ громко и рѣзко говорилъ съ раввиномъ. Всегда почтительный и молчаливый, онъ теперь готовъ былъ наброситься на раввина съ кулаками.

Ноте вдругъ метнулся въ сторону, какъ ужаленный змѣей, и выбѣжалъ изъ синагоги. Онъ бѣжалъ по темнымъ улицамъ мѣстечка домой. Вопросительно оглядывались прохожіе, но никого не замѣчалъ Ноте. Острая мысль, какъ горячая искра, жгла мозгъ, а въ ушахъ, какъ трубные звуки, гремѣли слова молодого раввина:

— „Послѣди Ноте!.. Она не такая, какъ должна быть еврейская дѣвушка. Смотри за ней...“ Самъ раввинъ, самъ раввинъ говоритъ, что это правда. Все, что говорятъ люди—правда! Значитъ, его Элька, чистая славная Элька... Все правда! Но этого быть не можетъ... Онъ спроситъ ее. Онъ ей вѣритъ, вѣритъ больше чѣмъ самому раввину!

Натыкаясь на постройки, бѣжитъ домой Ноте.

Въ домѣ темно. Ноте останавливается посреди комнаты и, проводя холодными пальцами по мокрому лицу, тихо шепчетъ:

— Элька... Моя чистая Элька!

— Что, папочка?—доносится изъ темноты звучный голосъ Эльки.

Ноте вздрагиваетъ. Какъ онъ ее не замѣтилъ. Элька лежитъ на заваленкѣ у дома, закинувъ руки за голову, и смотреть въ небо.

— Ты здѣсь? Я тебя ищу...

Ноте выходитъ къ ней. Онъ садится около, смотреть нѣсколько минутъ на тонкое, почти дѣтское лицо дочери, которое кажется при лунѣ блѣднымъ, точно мраморное изваяніе.

— Смотри, папа! Какія странныя облачка у луны. Подплыветъ луна—и они таютъ, и вырастаютъ другія...

— „Она чиста“.—укрѣпляется старая увѣренность въ помутнѣвшемъ отъ словъ раввина мозгу.

— Элька!...

— Что, папочка?

— Элька!.. Ты знаешь, что про тебя говорятъ въ мѣстечкѣ?..—не глядя на дочь, спрашиваетъ Ноте.

— Знаю!

Дѣвушка вдругъ поднимается на локтѣ и удивленно смотритъ на отца.

— А развѣ ты этому вѣришь?

— Нѣтъ, не вѣрю... но...

— Къ чему ты это спросилъ?

— Понимаешь, Элька!...—Ноте виновато поглядываетъ на дочь и тихо говоритъ:—людямъ я не вѣрю, никогда не вѣрилъ... Говорили, много говорили, но я не вѣрилъ. А вотъ сегодня... Сейчасъ раввинъ, самъ раввинъ подошелъ и сказалъ мнѣ... Ты понимаешь, Элька, какъ мнѣ было больно.

Дѣвушка вдругъ залилась звонкимъ смѣхомъ.

— Раввинъ!.. Ты говоришь: раввинъ. Ха-ха-ха!.. То-то онъ такъ поглядываетъ на меня. Когда я прихожу, онъ меня ѣстъ глазами. Я чувствую, что онъ раздѣляетъ меня своимъ взглядомъ изъ подъ широкой шляпы...

— Не говори такъ, Элька!

— Ха-ха-ха! Раввинъ!.. А ты ему скажи, чтобъ онъ велъ себя, какъ подобаетъ раввину. Не забудь, папочка! Ха-ха-ха.

Порывисто поднялась и ушла. Долго слышенъ ея звонкій смѣхъ въ темнотѣ.

Ноте молча, качая головой, глядитъ ей вслѣдъ. Облегченно вздыхаетъ и медленно возвращается въ синагогу.

IV.

Вскорѣ въ мѣстечкѣ случилась свадьба. Въ домѣ и вокругъ него собралась огромная толпа любопытныхъ. Слышны громкія шутки, крикливый говоръ евреекъ и пискъ дѣт-воры. На свадьбу приходили всѣ, не исключая и маленькихъ дѣтей.

Элька любила бывать на свадьбѣ. Ей нравилась грустная мелодія свадебной музыки, торжественное настроеніе, суета. Одно было ей непріятно: стоило ей только появиться въ толпѣ, какъ вокругъ слышался довольно явственный шопотъ, ворчливый говоръ старухъ и всѣ на нее въ упоръ

смотрѣли. Она проходила своей плавной, граціозной походкой мимо, какъ будто не о ней говорили еврейки.

На эту свадьбу Элька пришла въ новой бѣлой кофточкѣ съ короткими рукавами и открытой шеей. Это хотя и считалось моднымъ, но приличныя дѣвушки еще не рѣшались одѣвать такія кофточки. Поэтому на этотъ разъ смотрѣли на Эльку еще больше, чѣмъ всегда.

— Ты вѣдь можешь простудиться, слушай!.. — ехидно улыбаясь, говоритъ какая-то еврейка.

— Скоро у Эльки будетъ свадьба.

— Съ осиновскимъ рыболовомъ! — шутить кто-то въ толпѣ.

Элька слушаетъ сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ колкости равнодушно, точно это не ея касается, и проталкивается къ окну смотрѣть на танцы. Скоро почти вся толпа въ домѣ. Остаются подъ окнами крестьянскіе мальчишки и Элька. Она въ домѣ не хочетъ итти. Она прильнула къ освѣщенному окну и слѣдитъ за движущимися парами.

— „Не умѣютъ они танцевать — думаетъ она. — Вотъ если-бы меня попросили!..“

Ноте, пробѣгая мимо по порученіямъ гостей, видитъ свою дочь среди крестьянскихъ мальчишекъ, подсматривающихъ у окна, и онъ останавливается въ раздумьи, не зная что дѣлать: позвать ее и послать лучше домой, чѣмъ стоять подъ окнами, или провести ее въ домъ къ гостямъ. Что-же изъ того, что онъ — синагогальный сторожъ? Но Элька вѣдь одна, одна во всемъ мѣстечкѣ. Красивѣй и стройнѣй ея здѣсь нѣтъ!

— А какая она будетъ красивая невѣста!..—вдругъ замечтался Ноте.

... А кто на ней женится? Какой дуракъ на ней женится, если всѣ говорятъ, что... Даже самъ раввинъ, онъ первый не позволитъ еврейскому юношѣ жениться на такой, какъ Элька!

Кто-то холодными щупальцами сжимаетъ сердце Ноте. Онъ плачетъ. Онъ знаетъ, что некогда плакать, нельзя плакать, надо бѣжать по порученію, но чѣмъ онъ вино-

вать, что Богъ его сдѣлалъ синагогальнымъ сторожемъ. И онъ не смѣетъ возражать людямъ. Онъ не смѣетъ.

— Элька!..

Дѣвушка быстро оборачивается и видитъ блѣднаго отца со слѣдами слезъ на старческихъ глазахъ.

— Почему ты плачешь, папа?

Ноте не понимаетъ ея словъ. Одна мысль туманитъ мозгъ его:

— Элька! А ты будешь когда нибудь невѣстой? А раввинъ позволить?..

— Раввинъ!?

Ноте позвали, и онъ, торопливо вытирая глаза, побѣжалъ дальше. Элька метнула горящимъ взоромъ въ темнотѣ, въ немъ горѣла ненависть. Дѣвушка оторвалась отъ окна и залилась громкимъ смѣхомъ. Потомъ внезапно оборвала смѣхъ, прислонилась къ сѣрой стѣнѣ дома и на мгновенье задумалась.

— Эхъ ты... ребел!..—криво усмѣхнувшись, прошептала Элька. Прошла за калитку и стала у воротъ, спрятавшись въ тѣни.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ дома подъ „вивать“ оркестра вышелъ молодой раввинъ. Онъ шелъ медленно, глядя себѣ подъ ноги. Одной рукой онъ поглаживалъ длинную черную бороду, другую руку держалъ у пояса. Глаза послѣ выпитаго вина за свадебной трапезой горѣли. На губахъ играла самодовольная улыбка.

Элька слѣдила за каждымъ его движеніемъ. Она пробиралась легкими кошачьими шагами у стѣнъ построекъ, находясь все время вблизи раввина. Когда онъ завернулъ за уголъ, Элька вышла изъ тѣни и, пройдя мимо него, почти касаясь его шелкового сюртука, мягко произнесла:

— Добрый вечеръ, ребел!..

Раввинъ вздрогнулъ. Онъ остановился, поднялъ голову и взглянулъ на прошедшую мимо Эльку. Въ темнотѣ сверкнули ея большіе смѣющіеся глаза, и раввинъ совсѣмъ близко отъ себя услышалъ горячее прерывистое дыханіе. Онъ почувствовалъ, что блѣднѣетъ.

— Добрый вечеръ, добрый годъ, Элька!—тихо, стараясь быть спокойнымъ, отвѣтилъ раввинъ.

— Куда ты идешь одна?—спросилъ онъ, невольно нагоняя ее и шагая съ ней рядомъ, — Развѣ ты не боишься, вѣдь сегодня темно.

— Я никого не боюсь, ребел! Боятся только люди нехорошіе и грѣшныя, а я еще никому не дѣлала зла.

— Да, ты права... — протянулъ раввинъ, стараясь все время не смотрѣть на Эльку — а почему ты не пошла на свадьбу?

— Я была: неинтересно! Наши евреи не умѣютъ веселиться, они умѣютъ только хныкать да проклинать своихъ ближнихъ, отравляя этимъ радость другихъ.

Раввинъ взглянулъ своими острыми „маленькими“ глазками изъ-подъ шляпы на спокойно говорившую дѣвушку и подумалъ: „Странная дѣвушка“!..

— Ребел!.. — вдругъ спросила Элька—чѣмъ будутъ наказаны тѣ люди, которые говорятъ неправду?

— Они будутъ лишены райскихъ блаженствъ послѣ смерти — не зная къ чему ведетъ ея вопросъ, отвѣтилъ раввинъ.

— Ну... А если учитель говоритъ неправду?.. — значительно взглянувъ на раввина, спросила Элька.

— Онъ будетъ лишенъ блаженства и на землѣ. Зачѣмъ ты это спросила?

— Такъ, ребел!.. Ха-ха-ха!..

Она вдругъ засмѣялась, и что-то звонкое, неуловимое, пріятно-щекочущее слухъ пронеслось въ вечернемъ сумракѣ.

— Чему ты смѣешься?..

— Такъ... Не пора ли вамъ домой, ребел!—лукаво улыбаясь, спросила Элька. Раввинъ остановился, оглянулся вокругъ—и только теперь замѣтилъ, что они уже давно вышли за мѣстечко и прошли съ полверсты по дорогѣ къ рошѣ.

Вокругъ было безлюдно и тихо. Отдаленные звуки засыпающаго мѣстечка доносились сюда глухо, откуда-то сверху, точно изъ темнаго поднебесья. Вдали мелькали одинокіе огоньки. А тамъ, впереди—сплошная темная завѣса,

загадочная, зовущая, колыхаемая теплым шаловливым вѣтеркомъ, шептала незнакомые звуки.

Раввинъ вздрогнулъ. Онъ вдругъ почувствовалъ себя гдѣ-то далеко, отъ дома, отъ синагоги и людей. Ему показалось что онъ одинъ съ этой дѣвушкой былъ случайно занесенъ на большой необитаемый островъ, которому нѣтъ конца и куда не въ состояніи попасть люди. Онъ снялъ шляпу, провелъ рукой по длиннымъ волосамъ, которые легко потрепалъ подоспѣвшій вѣтерокъ и поспѣшно одѣлъ ее обратно. Потомъ вздохнулъ всей грудью, посмотрѣлъ на рядомъ стоявшую Эльку и почему-то тихо улыбнулся.

— Ну что, ребе! Вы идете домой?—нетерпѣливо спросила она.

Раввинъ сморщился, недовольно взглянулъ на дѣвушку и тихо произнесъ:

— Слушай, Элька, не называй меня такъ... не надо!

— Ну, а кто же вы?

— Я... я человѣкъ, обыкновенный человѣкъ, такой же какъ и всѣ.

— А я думала, что вы не такой какъ всѣ.

Раввинъ вдругъ рѣшительно снялъ свою шляпу, закрылъ глаза и, странно улыбаясь, точно опьяненный, громко сказалъ:

— А хорошо!..

Они опять пошли по мягкой дорогѣ, поросшей травой, приближаясь къ темной рошѣ. Онъ необыкновенно, какъ-то по новому вскидывалъ руками, тяжело дышалъ и шелъ ближе къ Элькѣ. Теперь онъ уже прямо смотрѣлъ затуманенными, сузившимися глазами на открытую шею дѣвушки, вдыхалъ ароматъ ея волосъ. Она сбоку слѣдила за нимъ.

— Послушайте... человѣкъ! Ха-ха-ха!..

— Смѣйся, смѣйся, Элька, какъ ты хорошо смѣешься!— другимъ голосомъ, какъ будто помолодѣвшимъ, сказалъ раввинъ—а вотъ мы уже въ рошѣ!

Элька подбѣжала къ первой березкѣ, стоявшей, какъ часовой, у входа въ рошу, обняла бархатный холодный стволъ своими горячими, бѣлыми руками и, откинувъ го-

лову назадъ, заплѣла какую-то пѣсенку. Раввинъ сталъ у дерева возлѣ самой дѣвушки и волнующимся дрожащимъ голосомъ, что не шло къ его большой черной бородѣ и длинному подпоясанному сюртуку, заговорилъ:

— А ты думаешь, что я не человѣкъ!.. Я хочу быть такимъ, какъ всѣ. Я тоже хочу смѣяться, говорить, пѣть. Что же, если я раввинъ. Такъ я не человѣкъ? Скажи, я не человѣкъ?

— Человѣкъ, человѣкъ!..—весело пропѣла Элька,—охъ, ноги болятъ!

— Устала я...

Она вдругъ бросилась въ сырую траву и, заложивъ руки за голову, стала смотрѣть вверхъ на раввина. Онъ нѣсколько минутъ стоялъ огорошенный неожиданнымъ поступкомъ Эльки. Онъ видѣлъ, какъ въ темнотѣ сверкаютъ ея глаза и зубы, какъ яркимъ пятномъ бѣлѣетъ кофточка, подъ которой тяжело вздымается молодая грудь и къ головѣ приподнятыя оголенные руки.

Онъ рѣшительно бросилъ шляпу въ траву, снялъ съ себя шелковый сюртукъ, и, нагнувшись надъ Элькой, сказалъ:

— Дай, я подстелю... Вѣдь ты можешь простудиться...

Дѣвушка молча приподнялась, а онъ, почти касаясь лицомъ ея горячей груди и бархатной открытой шеи, торопливо дрожащими руками подстилалъ сюртукъ. Въ голову что-то ударило, сильное, острое, опьяняющее. Точно вся кровь изъ всѣхъ сосудовъ сразу бросилась къ головѣ и тамъ забурила. Что-то горячее потомъ отступило отъ головы и сладкой болью разлилось по всему тѣлу. Въ глазахъ помутилось—и только бѣлая шея да черные сверкающіе глаза Эльки, дразня близостью, мелькали передъ нимъ.

Элька снова бросилась на разостланный сюртукъ, проговоривъ тихое „хорошо“, а онъ съ налившимися кровью глазами, цѣпкими, какъ у хищнаго звѣря, движеніями обхватилъ ея горячій станъ и хотѣлъ поцѣловать ее.

Элька, ловко изгибаясь, вырвалась изъ его рукъ и отскочила въ сторону. А онъ неожиданно растянулся по

травѣ, смѣшно растопыривъ руки... Изъ подъ жилета торчали „цицесъ“, (бѣлые концы талисмана), воротникъ сбилъ на бокъ, а на лицѣ его было тупое выраженіе звѣря, попавшаго въ ловушку.

Элька стояла надъ нимъ, подбоченясь и дразня, смѣялась:

— Что съ вами ребѣ!.. Вамъ пора домой, ребѣ!.. Ха-ха-ха!..

— Элька!.. Умоляю тебя...

— Если учитель говоритъ неправду, онъ лишается блаженства на землѣ!..

* * *

... Старый Ноте, мудрый старый Ноте!..

У тебя одна дочь — и ее зовутъ Элька.

Она красивѣй всѣхъ дѣвушекъ въ мѣстечкѣ.

Но ее не любятъ. Всѣ проклинали ее, смѣются надъ ней, топчутъ имя ея въ грязь.

Она это знаетъ, старый Ноте! Она это хорошо знаетъ но она смѣется надъ ними.

Ея отецъ — синагогальный сторожъ, хотя онъ мудръ, очень мудръ. У нея ничего нѣтъ, кромѣ красоты и молодого смѣха.

И она смѣется надъ ними. Она смѣется надъ богатыми, она смѣется надъ мудрыми. Да, папочка, надъ мудрыми! Самъ раввинъ, молодой раввинъ лежалъ у ногъ твоей Эльки, и она смѣялась надъ нимъ. Ха-ха-ха. Смѣялась!..

...Но почему ей такъ грустно, твоей Элькѣ!

Почему у нея такъ больно сжимается сердце. И хочется плакать. Я буду жаловаться тебѣ.

Слушай меня, мудрый Ноте! Я буду плакать.

Милый, старый Ноте!..

Гиллель Розовъ.

П. А. Шиллинговскій.

ОФОРТЪ.

новую вѣру. А философы и моралисты сплели вокругъ этого „Я“ свой вѣнокъ изъ лавровъ разума и природы.

Увы, „Я“ кончилось въ наше время, оно распалось на бездну самыхъ различныхъ „Я“, которые даже не могутъ сказать „Мы“, а выскакиваютъ по мѣрѣ надобности изъ своихъ квартиръ отъ имени одного и того-же субъекта. смотря по тому, который вы дернете звонокъ. Дѣло дѣлается просто: звонокъ вашъ трогаетъ кнопку, кнопка подталкиваетъ соотвѣтственную эмоцію, послѣдняя проявляется посредствомъ соотвѣтственныхъ жестовъ, и одно изъ безчисленныхъ „Я“ —передъ вами.

И когда футуристы, эти могильщики современной души, выступаютъ передъ нами и пытаются дать намъ хаосъ звуковъ, нелѣпостей, словъ, мыслей, кривлянья и гримасъ—они совершенно правы въ своемъ отраженіи насъ самихъ. Это только фотографія Бедлама, который совмѣщаетъ въ себѣ аккуратность скупца, животность гостя изъ публичнаго дома, дѣловитость адвоката, подлость хищника и честность общественнаго дѣятеля. Мычите, лайте, войте—все въ одно время, это истинный отзвукъ и образъ Калибана.

Безпринципность есть принципъ, ура!

Впрочемъ, мы не идемъ такъ далеко. Футуристы слишкомъ смѣлы и откровенны для насъ. Можно сохранить приличіе и въ томъ разношерстномъ домѣ, который мы носили въ себѣ. И это дѣлается при помощи довольно несложныхъ приспособленій, которыя въ тоже время отвѣчаютъ всѣмъ требованіямъ современной дѣйствительности. Нужно только ввести въ душѣ маленькую конституцію. Этимъ гарантируется благоприличіе и порядокъ.

И вовсе не надо опасаться. Не даромъ мы сказали: „маленькую“ конституцію души. Не надо забывать, что есть разныя величины. Есть большая красота и большая истина. Это все вещи весьма опасныя и вредныя. Ибо онѣ ставятъ вопросъ остро и радикально, во всей полнотѣ и послѣдовательности. Согласно этимъ такъ называемымъ принципамъ нѣтъ компромисса и примиренія.

Или все, или ничего.

Но къ счастью для современнаго человѣка такъ разсуждаетъ зеленая молодежь, или безумные энтузіасты, или страшные аскеты—однимъ словомъ люди совершенно не практичны и въ счетъ не идущіе. Не довольные ничѣмъ, всеотрицающіе, все критикующіе они въ худшемъ случаѣ встрѣчаютъ заслуженное отношеніе со стороны положительныхъ благоразумныхъ элементовъ общества, а въ лучшемъ

—являются невинной приправой къ нашему довольно-таки прѣсному обычному столу.

Есть однако и другое средство отъ большой красоты и ея слѣпящаго, всесжигающаго свѣта. И это—маленькая красота. Точно также большой правдѣ можно противопоставить маленькую, большой справедливости—ея младшую сестру. На первый взглядъ такая операція представляется совершенно невозможной, т. к. согласно естественной логикѣ и діалектикѣ нѣтъ средняго между правдой и ложью, красотой и безобразіемъ, справедливостью и преступленіемъ. Или-или.

На дѣлѣ выходитъ не такъ. Вѣдь принципъ красоты, правды, истины лишь по столько вѣченъ, по сколько онъ формаленъ и является всего-на-всего методомъ или категоріей нашего отношенія къ міру. А къ чему этотъ методъ прилагается—другой вопросъ. Формальныя понятія поэтому никогда не могутъ опредѣлить, наполнить всего нашего сужденія. Кромѣ формы есть содержаніе. А оно можетъ быть весьма разнообразно.

Красота вѣчна, какъ стремленіе къ красивому, какъ форма воспріятія прекраснаго. Но бушменъ наполняетъ эту форму однимъ содержаніемъ, а парижанинъ другимъ, древній эллинъ прилагалъ ея мѣрку къ однимъ явленіямъ, современный человѣкъ къ другимъ, самую оцѣнку явленія романтикъ производитъ однимъ способомъ, а реалистъ другимъ. Возможны здѣсь весьма различныя фасоны, приемы и точки зрѣнія.

Какъ-же получить при ихъ помощи маленькую красоту и правду для того, чтобы уклониться отъ большой. Это дѣлается слѣдующимъ способомъ. Берется великій принципъ по всей полнотѣ и великій критерій во всемъ его блескѣ и... примѣняется исключительно къ микроскопически малымъ и индифферентнымъ предметамъ. Выходитъ великолѣпная операція. И капиталъ пріобрѣтенъ, и красота съ правдой вмѣстѣ получили полное удовлетвореніе.

Итакъ не задавайте вопроса о томъ, какъ судить всю жизнь, всю личность, все общество съ точки зрѣнія великихъ формъ. Берите сапогъ и рѣшайте вопросъ о его красотѣ. Пусть будетъ совершененъ сапогъ. Но не трогайте ноги и всего человѣка, которому принадлежитъ нога. Возьмите вопросъ о кражѣ пяточка Иваномъ и обрушьте на него всѣ громы суровой Немезиды, но, ради Бога, не касайтесь вопроса о самой справедливости лишенія Ивана пяточка. Откройте истину о пятой ногѣ навознаго жука, но не трогайте истины о насъ самихъ.

Такъ маленькой красотой и правдой Вы закроетесь отъ большой.

Нашъ утонченный вѣкъ обладаетъ и другимъ не менѣе дѣйствительнымъ способомъ для того, чтобы уйти отъ цѣлостной великой красоты—правды. И это—спрятаться за раздѣленіе и соревнованіе идейныхъ вѣдомствъ. Съ этой точки зрѣнія и красота, и правда, и справедливость, и благо—это своего рода министерства со строго опредѣленной компетенціей, кругомъ вѣдомства и предѣлами власти; и подобно тому, какъ министерству внутреннихъ дѣлъ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ дѣла министерства финансовъ, не надлежитъ и красотѣ совать носъ въ дѣла моральнаго вѣдомства, а отдѣлу по установленію истины мѣшаться въ дѣла вѣдомства юстиціи.

Такой порядокъ можно поставить притомъ на самую прогрессивную точку зрѣнія. Ибо несомнѣнно, сама эволюція требуетъ дифференціаціи, и расширение сопровождается процессомъ распредѣленія и усложненія. Хорошо было древнему эллину сливать красоту со справедливостью, а истину съ правдой—нашъ вѣкъ требуетъ порядка и организаціи при наличности безмѣрно усложнившихся обстоятельствъ.

И развѣ не содѣйствуютъ сему распредѣленію вѣдомствъ по специальностямъ приставленные къ каждому дѣлу господа профессионалы. Академики отъ красоты, оглохшіе для правды, превосходительства отъ справедливости, ослѣпшіе для блага, профессора отъ истины, глухонѣмые для красоты, и титулярные совѣтники отъ пользы, и слѣпые и нѣмые и глухіе для всего прочаго? Спросите cadaго изъ нихъ, и они строго разложатъ вамъ все по полкамъ, шкафамъ и нарядамъ.

Отсюда великое удобство. Вы можете гнусно жить, но вы состоите по вѣдомству красоты, и такъ-какъ ни благу, ни справедливости нѣтъ никакого дѣла до красоты, то вы можете наслаждаться „красивой“ мерзостью, „законченной“ гадостью, „прекрасной“ гнилью, „очаровательнымъ“ разложениемъ, „восхитительной“ грязью, „сладостной“ вонью, „совершенной“ падалью.

И такъ во всемъ. Истина кокетничаетъ съ безобразіемъ. Справедливость перемигивается съ ложью. Человѣкъ превращается въ хихикающаго мертвеца, который съ гордостью несетъ тотъ паспортъ или ярлыкъ, который въ данную минуту данъ ему соотвѣтственнымъ вѣдомствомъ.

Съ другой стороны открывается упоительное разнообразіе жизни. Сейчасъ я задавилъ беззащитнаго, а послѣ этого

умылъ кровь съ рукъ и поплакалъ надъ Шопеномъ. За ноктюрномъ соблазнилъ ребенка, а послѣ произвелъ новое открытіе въ дифференціальномъ счисленіи. Счастливый этимъ напился до скотства и выклянчилъ копейку у нищаго. Распутная красота, святая ложь, позитивно-продуманная добродѣтель, поэтическое убійство—какой ассортиментъ для разорванныхъ струнъ современной души, какая симфонія!

Салтыковъ когда-то для сближенія между пороками и добродѣтелями нашелъ единственное средство: лицемѣріе. Теперь дѣло проще. Мы прямо румянимъ щеки нашей добродѣтели и продаемъ ее на улицѣ какъ кокотку. Мы превращаемъ искусство въ мастерскую дешевыхъ маскарадныхъ костюмовъ и рядимъ въ нихъ насиліе и предательство. Мы сдираемъ съ науки все, что связываетъ ее съ жизнью и ставимъ въ музей восковыхъ фигуръ.

Дочери единого великаго отца, всеутверждающаго жизненнаго „Да“, того, который нѣкогда поднялъ свои легіоны на борьбу со смертью, разлучены и другъ съ другомъ больше не знакомы. Да оно и естественно. Одна вженилась въ колбасное заведеніе, другая открыла пансіонъ безъ древнихъ языковъ, а третья служить классной дамой по вѣдомству коннозаводства.

Гдѣ же тутъ единство и цѣлостность жизни!

Мистика въ такомъ положеніи естественный выходъ. Отъ осколковъ и черепковъ формы можно спастись лишь въ абсолютной безформенности. Этимъ путемъ ея отрицаніе и презрѣніе становится послѣдовательнымъ. Мало того, этимъ пріобрѣтается единство, если не на землѣ, то внѣ, надъ и подъ землею.

Къ сожалѣнію, въ различеніи мистики и эстетики мы весьма невѣжественны. Часто принимаемъ одно за другое и впадаемъ въ заблужденіе. Мистическій экстазъ смѣшиваемъ съ художественнымъ созерцаніемъ, мистическій ужасъ съ міровой печалью.

На самомъ дѣлѣ въ мистикѣ мы имѣемъ дѣло съ неопредѣлимымъ, несказаннымъ, невыразимымъ. „Это“ можно изобразить лишь весьма приблизительно и описательно. И даже не само „это“, а лишь способы и пути нахождения тайны.

Характерно, что въ основѣ всякой мистики лежитъ провалъ, бездна, темная дыра, куда надо спрыгнуть. Для этого нужно уйти отъ міра. При помощи отчаянія, муки, самоотрицанія, аскезы. Уйти отъ формы, слова, пространства и времени. Надо убить міръ и самому умереть.

Отсюда сладость смерти и мученія. Для торжества Діониса долженъ быть въ куски разбитъ Аполлонъ. Изорвана сикстинская модонна. Сожженъ Виргилій. Дьяволъ первымъ приходитъ изъ внѣземного міра: не согрѣшишь, не покаешься. Изъ ада Данте подымается въ рай.

И когда большой или мелкій бѣсъ, таинственная Лилитъ, или иное божество сумрака и напряженной тишины хочетъ стать образомъ, оно крадетъ форму, вползаетъ въ нее, свѣтится изъ аполлоновой маски своими мертвыми глазами. Отсюда въ искусствѣ больное сладострастіе упырей и некрофиловъ, опьяненіе кровью и виномъ.

Легко узнать это больное искаженное искусство. Оно притворно и неискренно. Смѣется уродливыми трещинами и изломами. Каждую минуту ждетъ разоблаченія. Скрываетъ могильную бездну подъ собой и отвлекаетъ жестами и обрядами, пустяками, придаетъ значительность незначительному.

Не вѣрьте ему. Оно боится формы, такъ какъ знаетъ, что форма поглощаетъ и претворяетъ мистику цѣликомъ. Претворенное въ слезы отчаяніе утихаетъ. Выплаканное горе не болитъ. Преступленіе въ трагедіи есть не только обвиненіе, но и оправданіе передъ страшнымъ судомъ. Даже сама смерть не можетъ уничтожить безсмертія, которое даетъ форма.

Не этого ищетъ мистикъ, не радости сочувствія, не наслажденія творчествомъ. Ему не надо творить міръ. Онъ уходитъ къ первопринципѣ, возвращается къ первобытному хаосу, бьется у порога подсознательнаго, пока не падаетъ въ бездну, гдѣ горитъ темный первоначальный огонь.

И только послѣ паденія и борьбы съ Чернымъ мистикъ сливается съ Тайной, растворяется въ экстазѣ, возрождается какъ влага, духъ, необъятное, безконечное, сладостное, наслажденіе и сила, сила, сила! Энергія сама въ себѣ, жизнь и блаженство, безуміе и восторгъ—Эвоэ, великій Діонисъ!

Безъ силы немыслима жизнь. Безъ воли невозможна борьба. Въ каждомъ изъ насъ заложена способность черпать жизнь изнутри, смотрѣть внутренними глазами, горѣть вдохновеніемъ, прикасаться къ священному алтарю Діониса. Но мы беремъ этотъ огонь, какъ бралъ его Прометей, чтобы изъ него творить формы, и мысль, и любовь.

Современный мистикъ не творитъ. Онъ сгораетъ на огнѣ Діониса. Онъ уходитъ отъ жизни и проваливается въ пропасть сладострастной, блаженной смерти. Напрасно онъ уподобляетъ свою смерть—крестной смерти. Христосъ умеръ

за людей. Современный мистикъ самъ распинаетъ себя для самаго себя.

Уберите мертвыхъ!

Тайна должна быть выявлена. Жизнь схвачена и организована. Вчера отброшено въ сторону со своимъ міромъ, и найдено сегодня. И каждый мигъ долженъ нести новое богатство, открывать новыя формы, разбивать старое во имя новаго.

Но это очень трудно. Посмотрите, какъ страдаетъ и терзается творецъ. Всю силу жизни онъ отдаетъ міру. Опустошаетъ себя, чтобы быть прозрачнымъ. До большой глубины открываетъ себя, чтобы все принять и на все отвѣтить. Съ божествомъ борется, чтобы вырвать у него свѣтильникъ, своею кровью смягчаетъ строительный камень.

А все потому, что недоволенъ готовымъ. Гонится за недостижимымъ. Хочетъ поймать каждое трепетаніе, каждый вздохъ, линію и звукъ. Какъ будто есть возможность въ неподвижномъ отразить подвижное, въ гармоничномъ—дисгармонію, въ типичномъ—все богатство индивидуальнаго своеобразія, смѣющагося надъ формой.

Развѣ форма не убиваетъ жизнь самымъ фактомъ своего существованія, развѣ всякая законченность не есть условная остановка времени, развѣ слово не извращаетъ мысли? Въ самой формѣ, какъ таковой, есть насиліе и ложь, ограниченность и условность. Кто говоритъ о правдѣ въ искусствѣ?—Дѣти и шарлатаны.

И надо быть послѣдовательнымъ. Насъ возвышающій обманъ долженъ быть очищенъ отъ грязныхъ комьевъ приставшей къ нему земли. Пусть творецъ перестанетъ гнаться за мгновеніемъ, какъ борзая собака. На пьедесталь! На тронъ! Туда, гдѣ замерла въ вѣчной недвижности абстракція, схема и стиль!

Будьте гордыми. Обвейте линіей безконечность. Подымите типъ до идеи. Освободите себя отъ пошлаго пресмыканія передъ эмпиризмомъ. Провозгласите приоритетъ духа, создайте образцы и подчините презрѣнную землю ихъ вѣчному и разъ навсегда установленному господству. Провозгласите творчество законченнымъ.

И мы успокоимся. И свято будемъ хранить вашъ шаблонъ. Назовемъ его идеаломъ. Скуемъ завитками жизнь. Подстрижемъ буйныя аллеи каштановъ и буковъ. Изъ ели сдѣлаемъ пѣтушка. Одѣнемъ пейзажа въ шелковый кафтанъ. Прикроемъ вшивую голову буклями и косой. Стилизуемъ навозную кучу.

А васъ, о стилизаторы, манерные и важные хранители шаблона, мы щедро вознаградимъ. Мы вамъ построимъ капища и дадимъ много денегъ. Создадимъ изъ васъ коллегію бонзъ и мандариновъ, воздвигнемъ вамъ алтари, а вами созданныхъ идоловъ вознесемъ на всѣхъ стогнахъ и весяхъ.

Будемъ ходить къ вамъ на поклоненіе. И когда вы будете подчасъ шаловливы и неприличны на вашей задней половинѣ, мы все стерпимъ и простимъ,—только дайте намъ то, чего мы такъ жаждемъ—казарму, художественный плацъ-парадъ, литературные артикулы, равеніе на право, равеніе на лѣво и старшимъ бонзой утвѣржденный мундиръ.

О, уважаемые, намъ нуженъ авторитетъ, оказательство, стиль. Дурной актеръ, изъ года въ годъ играющій одну и ту же роль достопочтеннаго и высокоуважаемаго, для насъ дороже тысячи молодыхъ безумцевъ, которые мучаютъ жизнь бесплодной погоней за правдой. Лгите, но лгите такъ, чтобы мы могли безъ особеннаго напряженія обмануть себя.

И по правдѣ сказать, вы даже не подозреваете, какъ велика наша сила косности и лѣни, традицій и инерціи. Ни одно обезьянье стадо такъ не умѣетъ беречь и сохранять. Ибо гдѣ-же вы видали вѣчно марширующихъ въ одну шеренгу обезьянъ? А мы умѣемъ. Если-же дѣйствительность слишкомъ властно нарушить нашъ покой, то мы только еще выше поднимемъ надъ ней нашихъ истукановъ. Они станутъ идеальнѣй.

Тамъ наверху пусто, тихо и мертво.

Тамъ царить незыблемый канонъ.

Есть души, которыя ищутъ тепленькаго. Имъ холодно среди каменныхъ голыхъ колоннъ. Рѣжутъ углы стиля. Непонятны условно-размѣренные гимны. И не могутъ помириться съ тѣмъ, что все отнято у нихъ и перенесено въ капище. Дома остались нагія стѣны. За правдой-красотой приходится идти изъ дому, какъ за булкой на рынокъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ силъ на борьбу и достиженія. Хочется, чтобы было и чисто, и нарядно, и уютно. А нѣту силъ взять въ руки молотъ, долото и метлу, чтобы переложить стѣны, вымести всякую гадость, и высѣчь радостный солнечный барельефъ. Просто лѣнь.

И мы начинаемъ мечтать. На землю набрасываемъ переливчатый туманъ. Грезимъ, и какъ подъ вліяніемъ гашища преобразуемъ дѣйствительность безъ труда, безъ томленій. Гипнотизируемъ сами себя и нюхая навозъ на-

слаждаемся розой, воду пьемъ за шампанское и тянемся къ ослиной мордѣ, принимая ее за Венеру милосскую.

Блаженное гніеніе. И если надутые мастера шаблона заботливо росписываютъ превращенную въ мумію красоту, и нѣжно укладываютъ ее въ могилу, вырытую на вершинахъ идеализма, то романтики готовятъ изъ нея сонное питье, принимаютъ ее внутрь и перевариваютъ вмѣстѣ съ котлетами и щами. Что можетъ быть ужаснѣе мечтательной свиньи?

Но есть еще двѣ разновидности романтиковъ, которыхъ надо различать. Одни это дѣти. Они искренно вѣрятъ, что на землѣ есть бука и святочный дѣдъ, что лучше папы и мамы нѣтъ людей, что всѣ только думаютъ о томъ, чтобы сдѣлать что-нибудь хорошее, красивое, справедливое.

И когда вы при такомъ ребенкѣ—иногда уже съ сѣдинкой и плѣшинкой—говорите, что дядя Петя проворовался, что тетя Аня скончалась отъ неумѣреннаго пользованія возбуждающими средствами, а добрая бабушка таскала пятачки изъ благотворительной кружки,—то милое бебѣ искренно возмущается вашимъ грязнымъ цинизмомъ, который видитъ одно дурное и радъ опакостить священный образъ человѣка!

Такіе дурачки весьма на руку мастерамъ розоваго и голубенькаго, нѣжнаго и сладкаго, щекотателямъ пятокъ, лизунамъ, которые умѣютъ зализать Бетховена, прикрыть наготу Шекспира, растворить въ малиновомъ сокѣ Раблэ и обезвредить Вольтера. Цвѣточками, улыбочками, передниками и ласками. Въ крайнемъ случаѣ, пожалѣемъ о бѣдномъ, бѣдномъ грѣшникѣ! Но самое розовое яблочко можетъ облупить, а изъ середины выглянетъ бѣлый и толстый червякъ. Нѣтъ нестираемой помады, румянъ и пудры. Слишкомъ легко угадать подъ ними черную подоплеку. Поэтому надо притвориться, что настоящая красота гдѣ-то тамъ!

Отсюда новая порода извратителей, которые водятъ за собой барашковъ съ выпученными глазами, готовыхъ блеять и махать жирными хвостами при видѣ всякаго туманнаго пятна. Это—романтики изъ символистовъ, искусно скрывающіе красоту-правду въ пустой табакеркѣ. Фокусъ-покусъ инфернались. Что-то. Кто-то. Облачко. Лягушка. Голубокъ. Капли дождя. Настроеніе. Вздохъ. Слезы. О, гдѣ-ты голубой цвѣтокъ! Въ какія дали скрылось сладкое видѣніе? Было и прошло. Но... воспоминаніе. Но... намекъ. Ахъ, мы пережили прекрасное.

Душа увлажнена при помощи самых примитивных средств. Но вмѣсто растрепанной бумажной лиліи—ея отблескъ и символъ. И если мы здѣсь порою жалки и грязны, то за то тамъ въ недосыгаемой,—непремѣнно недосыгаемой, иначе потеряется вся сладость—дали живетъ царевна мечта, принцесса—Греза, а на ней надпись: „просить не трогать руками“.

Ахъ, господа, господа, нельзя же бѣдняжку ради вашихъ услаждений обречь на вѣчное дѣвство. Вѣдь такъ въ концѣ концовъ вы бросите ее въ объятія лакея. Отчего-бы не попытаться кому-нибудь изъ храбрыхъ рыцарей добыть себѣ Грезу въ законныя супруги.

Я убѣжденъ, что изъ нея выйдетъ пылкая любовница и добрая мать.

Мысль нужна. Ясность. Но спаси Богъ отъ направленства. Старое уже при послѣднемъ вздохѣ. Старый кожухъ, надъ которымъ проливались слезы, выколоченъ, посыпанъ персидскимъ порошкомъ и вывѣшенъ на воздухъ. Лапти выброшены за ненадобностью, ибо куплены новые и недурные сапоги. Вмѣсто портянки—носки цвѣта „танго“.

И если гдѣ еще встрѣчаемъ сочное описаніе запаха немытой бабы, сіяющаго навозомъ огорода и чмякающей подъ ногами кучи,—то въ твореніяхъ нашихъ акмеистовъ, которые съ исключительнымъ кокетствомъ куражатся надъ этими милыми вещами и преподносятъ намъ порой очаровательныя пятна. Но это совсѣмъ не то.

Новое направленство философично. Оно глубокомысленно. Ставить великіе вопросы. Проблема пола. Жить или не жить. Можетъ ли мужъ при живой женѣ жениться по турецкому способу еще на трехъ, четырехъ, пяти дамахъ. Дозволительна-ли сѣрная кислота, какъ средство братскаго увѣщанія. Можно ли быть хорошимъ.

Нельзя не привѣтствовать научнаго и философскаго интереса, который высказывается въ подобномъ направленствѣ. Но позволительно спросить, нѣтъ ли здѣсь смѣшенія кирпича съ кремомъ, огурцовъ съ моей тетей, перочиннаго ножика съ идеями Платона?

Мы стоимъ за единство и синтезъ. Мы требуемъ, что-

бы мысль, образъ, мелодія не представляли изъ себя компаній дерущихся гулякъ. Мы хотимъ, чтобы разорванное было связано. А человѣкъ сталъ центромъ расходящихся лучей. Полный, весь человѣкъ. Гордый и сильный. Въ отчаяніи, въ надеждѣ, въ любви.

Но мы не понимаемъ къ чему фальсификація и маскарадъ. Плохо продуманная философія пессимизма—довольно таки патологическаго характера—не станетъ ни на волосъ убѣдительною, если вы ея деревянные аргументы украсите мохнатыми головами самоубійцъ, истерическими выкриками полудѣвъ или меланхолическимъ гуломъ идиотовъ.

Какъ не украшайте, изъ вашихъ маріонетокъ будутъ торчать ржавыя пружины и ольховыя палки, на которыя они нанизаны. Точно также искусство не станетъ ни на минуту значительнѣй, если вы возлѣ Гамлета поставите долговязаго комментатора съ длинной палкой, который подобно надписямъ въ кинематографѣ будетъ тыкать артисту въ носъ и рассказывать, что вотъ, де, теперь онъ переживаетъ разочарованіе въ Офеліи.

Каждому свое. Вы совершенно испортите оркестръ, если заставите флейту ревѣть контрабасомъ, а скрипку имитировать барабанъ. Направленство—насиліе, гнетъ, шаблонъ.

И что всего хуже, навязанный диллетантствомъ или невѣжествомъ.

Въ томъ-то гордость, и счастье, и трагедія человечества, что оно живетъ и развивается контрастами. Сразу по нѣсколькимъ, самостоятельнымъ путямъ. Въ томъ то и трудность достиженія, что синтезъ дается тяжелой борьбой, рядомъ паденій, сомнѣній, побѣдъ. Но побѣдить надо. И нужно, чтобы не только оркестръ искусствъ, но громадный оркестръ всей духовной жизни былъ слитъ въ одной цѣлостной симфоніи.

Ибо главный центръ не въ отдѣльномъ инструментѣ, или даже пьесѣ. И бетховенская соната существуетъ для чего-то еще высшаго. И декартовская логика, и верленовская поэзія, и фокинскій балетъ. Есть высшій ритмъ, есть еще недостигнутая Форма. Рождается новая Идея.

Въ чемъ она—не знаемъ.

Но попробуемъ ее найти въ Человѣкѣ.

Никита Жуковъ.

П. А. Шиллинговскій.

ОФОРТЪ.

П. С. Езерскій.

Станиславъ Пшибышевскій—жрецъ свѣта и жизни.

„Былъ дологъ сонъ—
Глубокій сонъ, развѣянъ онъ.
Миръ-глубина.
Глубь эта дню едва видна.
Скорбь міра—это глубина,—
Но радость глубже, чѣмъ она.
Жизнь гонитъ скорби тѣнь.
А радость рвется въ вѣчный день,
Въ желанный вѣковѣчный день.
(Фр. Ницше. „Такъ говорилъ Заратустра“).

„Дрожь глубины“, сказалъ Пшибышевскій про одного писателя.

Глубина духа и—этого скользкаго понятія—души—вотъ гдѣ сущность самаго Пшибышевскаго.

Сатаной и Поломъ искушалъ себя великій homo sapiens, „свѣта въ этотъ мракъ“—крикнулъ онъ и залилъ свѣтомъ

любви задворки души. Началъ копаться въ мусорной ямѣ болѣзней и ужаса, кошмаръ и безуміе вытащилъ на дневной свѣтъ, пороку далъ овладѣть собой и опьянялся мистикой. А потомъ однимъ движеніемъ стряхнулъ съ себя искушеніе, лучамъ солнца подставилъ свою израненную душу, залѣчилъ ее любовью и свѣтомъ, хитро посмѣивался надъ гадinou, что задавленная извивалась на днѣ могучей души, проклялъ страданіе и сказалъ великое: „хочу жить!“

Кончилъ тѣмъ, что для того, что-бы жить, умеръ.
И живетъ!

Многіе, большинство этого не видятъ, не хотятъ или не могутъ понять. „Читателя, а не жизнь отражаетъ искусство“ сказалъ Оскаръ Уайльдъ—„Критика есть видъ автобіографіи“.

Какъ эти люди могутъ понять то, чего въ нихъ нѣтъ?

былъ какой-то выдуманной, какой-то непонятный полъ.

Не то первооснова жизни, не то первоначальная субстанція вещества и энергіи. Что-то темное. Измышление больного половою любовью мозга. Что-то его зудило и мучило, не давало покоя бѣдному полу.

Тоже слишкомъ былъ цѣлымъ: одинъ, „центръ безъ окружности“.

Не выдержалъ, раскололся на два пола; и черезъ вѣка

эволюціи стали мужчина и женщина—двѣ частички когда-то одного пола.

Стремятся другъ къ другу и не могутъ слиться—раздѣлены и вѣчно одиноки.

Смѣсь біологіи со скверной мистикой!?

Стремленіе къ синтезу, господа, стремленіе къ синтезу!

Міръ—глубина.

Глубь эта дню едва видна

Скорбь міра—эта глубина.

И вотъ, нѣтъ уже ни еврейскаго Бога, ни выдуманнаго пола.

Передъ нами человѣкъ—*homo sapiens*. Рѣчь идетъ о безпросвѣтной ночи, въ которую погруженъ и захлебывается этотъ *homo sapiens*. „Запретные изгибы“ души, что грозятъ намъ „смертельной тайной“, отъ которой зачохнешь ужаленъ „душою“, не „змѣей“,—„рыба дьяволъ—моря“ (Бальмонтъ)—воронъ Эдгара По, который бросаетъ на коверъ тѣнь и „душѣ изъ этой тѣни, что ложится на коверъ, не подняться—*Nevermore*“, „*Mare tenebrarum*“ Станислава Пшибышевскаго,—только слабыя попытки приблизительнаго выраженія полноты глубины, что „едва видна дню“.

Безуміе мозга, гордаго и самонадѣяннаго; сначала такой маленькій, — червячокъ пустоты и сомнѣнія, душевная „нутрянная“ тоска, съ сознаніемъ ея безысходности, стремленіе молиться, и при этомъ отсутствіе вѣры въ Бога, одиночество души, какъ основной симптомъ ея глубины.

„И скучно, и грустно, и некому руку подать“!..

Глубина и страданіе сливаются въ одно сулорожное движеніе мятущейся души. Мозгъ дѣлаетъ всѣ усилія, чтобы не во что было вѣрить, съ безумнымъ сладострастіемъ разрушаетъ всѣ „задерживающіе центры“, спутывается, спотыкается и, кувыркаясь, кричитъ: „А я все таки знаю, что я ничего не знаю“.

— „*Ohé, les psychologues*“, издѣвается мозгъ, окончательно запутавшись.—„Объясните-ка мнѣ теперь, что творится въ моей душѣ, вѣдь у васъ такая масса психологическихъ законовъ и правилъ. Пожалуйста, объясните мнѣ это“. („*Homo sapiens*“).

Трагедія мозга въ томъ, что „онъ работаетъ совершенно логично, но приходитъ къ такимъ необыкновеннымъ выводамъ, которые разрушаютъ всю его работу“—ха-ха! Бѣдная, даже не веселая, а попросту смѣшная наука. Ну-съ, не говоря покаместъ о душѣ, что-жъ это за необыкновенные выводы, къ которымъ приходитъ мозгъ путемъ логики.

Возьмемъ человѣка, говоритъ мозгъ съ напускнымъ спокойствіемъ и разсудительностью, и посмотримъ, какъ отражается въ немъ міръ, какъ онъ воспринимаетъ внѣшнія явленія. Лучъ свѣта, идущій отъ созерцаемаго предмета, попадаетъ на сѣтчатку, раздражаетъ нервы, ну, и разными тамъ путями вызываетъ въ мозгу представленіе того предмета, который человѣкъ видитъ. Это представленіе онъ проицируетъ на разстояніи, основываясь на знаніи перспективы и имѣющимся на лицо опытѣ въ данной области.

Ну-съ, хорошо и ясно; значитъ, существуетъ отдѣльно внѣшній міръ и отдѣльно его представленіе въ мозгу воспринимающаго человѣка. Это, если я наблюдаю и человѣка и предметъ.

„Ну“ тутъ мозгъ торжествуетъ заранѣе отъ ловко закинутого крючка, и душа корчится отъ боли, „а если на мѣсто этого вотъ человѣка поставить меня... нѣтъ, подождите, какъ вотъ этотъ человѣкъ можетъ узнать, существуетъ-ли все именно такъ, какъ онъ себѣ это представляетъ. Ну конечно; другіе скажутъ, что тамъ, гдѣ онъ видитъ привидѣніе, полотенце виситъ. А другіе-то вѣдь скажутъ словами, а слова вызовутъ представленіе, а представленіе словъ бываетъ одинаково ложнымъ, какъ и представленіе привидѣнія, и господа профессора знаютъ иллюзіи и галлюцинаціи. Такъ что, только я, зная, что онъ воспринимаетъ и, какъ онъ воспринимаетъ, могу сказать, гдѣ у него правильное представленіе, а гдѣ неправильное.

Да. А вотъ, если меня на мѣсто этого человѣка поставить. Весь міръ сосредоточится для меня въ моемъ представленіи о немъ. Кто мнѣ скажетъ, что это представленіе ложно или правильно. Мнѣ будутъ говорить, а я скажу имъ въ отвѣтъ: „да я еще не знаю, говорите вы на самомъ дѣлѣ, милые люди, или мнѣ только кажется, что вы говорите“. И мозгъ задыхается отъ радости разрушенія: „да еще неизвѣстно, существуетъ-ли то міръ вообще или это только иллюзія, хе-хе, вы, господинъ „я“, выходите, совсѣмъ-съ одинъ жить-поживать изволите“.

Вотъ къ какимъ „необыкновеннымъ“ выводамъ приходитъ мозгъ. Не только, значитъ, Бога нѣтъ и наука—чушь, а и вся-то жизнь еще подъ вопросомъ,—природа и мои собраты почтенные только потуда существуютъ, покуда я ихъ мыслить соизволю. Запретный изгибъ тронуть неосторожнымъ движеніемъ, сѣтъ рыбака нечаянно коснулась проклятой рыбы и побѣжало отъ „дьявола-моря“, словно лектрическій токъ, дыханіе смерти. Влетѣлъ въ души воронъ печали и мрака и крикнулъ свое „Nevermore“.

Пусть мозгъ тысячу разъ неправъ въ своихъ умозаключеніяхъ, пусть все разсужденіе страдаетъ страшнѣйшими логическими пороками, душа ухватилась за мысль объ одиночествѣ, и какая-то „Ананке“ потянула ее въ водоворотъ запретныхъ изгибовъ. Душа отдалась боли тоскующаго одиночества и на время затихла.

А мозгъ торжествовалъ и смѣялся—сказалъ послѣднее слово.

И выдохся: „Ну, что-же, если все зависитъ отъ сознанія“, кривлялся онъ, „подумаю, что я богатъ, и я буду богатъ“.

„Я живу только для себя“, „я—начало, ибо ношу въ себѣ всѣ стадіи развитія“.

„Я—конецъ, ибо являюсь послѣдней ступеню его“—„одинъ съ моими ощущеніями“—„у васъ есть внѣшній міръ, у меня его нѣтъ, я знаю только свое „я“. (Requiem aeternam)“.

Кичливое чванство и безысходная тоска.

„У васъ безстыдный мозгъ, да, безстыдный“—сказалъ Фальку Черскій (*homo sapiens*). Да, мозгъ безстыдный, но честно до конца выполнившій свою задачу; дальше итти уже некуда.

Итакъ, одиночество—удѣлъ *homo sapiens'a*; но одиночество, обнимающее весь міръ, всю вселенную переносящее въ голову вовсе растерявшагося человѣка. Мы подошли къ наипроклятѣйшему вопросу, вопросу объ отношеніяхъ „общества и личности“, вопросу о двухъ основныхъ категоріяхъ жизни и бытія, вопросу о „я“ и „не я“.

Недаромъ выше было упомянуто про Бога, создавшаго человѣка, и Полъ, раздѣлившійся на два. Человѣкъ, въ силу условій его бытія, не можетъ мыслить чего нибудь, что не имѣло-бы корня въ его душѣ. Высшее и святѣйшее, что было въ немъ, отдалъ онъ образу Бога, стремительнѣйшее—измышленной концепціи Пола.

„Міровая скорбь“—потеря и презрѣніе своей окружности, сознаніе своего вѣчнаго одиночества и самой въ себѣ невозможности существованія чего нибудь внѣ сознанія моего „я“—вотъ, она „глубина полночи“—познаваемая путемъ кошмара и безумія, тѣмъ болѣе глубокая, чѣмъ дальше въ нее погружаться.

Безпечному, непосредственному и невдумчивому дню, сѣрому дню труда и дневной заботы о завтрашнемъ днѣ, эта глубь не видна. Онъ знаетъ, что есть „желтые дома“ и „безпокойные“ люди, которые чего-то ищутъ; но вѣдь

это—больные, пусть их лечатъ доктора или они умираютъ себѣ съ Богомъ,—день идетъ своимъ чередомъ.

... „Глубь эта дню едва видна“.

„Скорбь міра—это глубина,
Но радость глубже, чѣмъ она;
Жизнь гонитъ скорби тѣнь.
А радость рвется въ вѣчный день,
Въ желанный вѣковѣчный день.“

Не ищите поту-стороннихъ міровъ.

Нѣтъ міра, кромѣ жизни.

Душа—это то, что охватываетъ жизнь.

Любовь—это то, что стремится къ жизни.

Не коверкайте единственного „содержанія“ вашей души—жизни хитросплетеніями мозга. Не уходите отъ жизни,—уйти нельзя и некуда. Становитесь поодаль жизни и слушайте ея шумъ, какъ слушаютъ шумъ города, тихимъ вечеромъ выйдя въ поле, какъ смотрятъ на селенія и пастбища, раскинутыя въ долинѣ, поднявшись на высокую гору.

Жизнь—это то самое „внѣ меня“—„не я“, тоска по которому была міровою скорбью, мое „ты“, не находящее выхода, стремленіе къ которому разрушало и давило мою душу.

Страданіе лишь переходная стадія, „растягивать его на безконечное время я считаю убожествомъ и узостью“, — пишетъ Ганка Скирмунту. („Сумерки“ Пшиб.). „И я все глубже начинаю понимать безконечную мудрость вашего ученія о томъ, что подчиняться страданію—это лѣность“.

Черкасскій, отдаваясь страданію, находя „муку въ блаженствѣ“ совершалъ преступленіе, „такъ какъ въ ослѣпленіи своемъ самъ онъ оторвалъ маленькую частицу отъ великаго всеединства, скрылъ ее въ тѣсномъ уголкѣ своего бѣднаго „я“, забывая о „ты“ („Сумерки“). Скажите, послѣ этого, Пшибышевскій мистикъ и больной писатель? Представитель буржуазной философіи и проповѣдникъ порока и половой извращенности, какъ его толкуетъ П. Коганъ? Пшибышевскій знаменуетъ уходъ отъ жизни за неприсобленностью къ ней и экстазно-сладоэротическими операціями со своей психикой.

Послушайте, что говоритъ закрутившійся въ своемъ „я“ Фалькъ Черскому въ минуты беспощаднѣйшихъ счетовъ съ самимъ собой:

— „У васъ безстыдный мозгъ“,—проговорилъ онъ (Черскій) торжественно и тихо. „Безстыдный!“— Фалькъ весь съежился подъ силой этого вдохновеннаго взгляда и пророческихъ словъ. Ему стало стыдно; чувствовалъ, какъ двѣ души сталкиваются въ немъ, стараясь другъ друга преодолѣть. — „Да, вы правы, моя душа, мой мозгъ не имѣютъ стыда“...

У Фалька была не подруга, не любовница, была беззавѣтно любившая его дѣвушка-соціалистка Ольга. Что-то вродѣ Сони Мармеладовой для Раскольникова. Тому-же Черскому признается Фалькъ:

— „Никому я еще не говорилъ того, что говорю теперь вамъ. Я восхищаюсь вами, люблю васъ. И вы знаете почему? Почему?“..спрашивалъ онъ съ таинственнымъ видомъ. „Потому что вы перестали быть самимъ собой... Да, и вы и Ольга... Я люблю васъ за то, что вы одни умѣете любить. А это единственное чувство, которое я уважаю и люблю“...

И дальше наступаетъ что-то, напоминающее земной поклонъ Раскольникова на рынкѣ и его: „я убилъ“. Фалькъ дальше исповѣдуется Черскому:

— „Но вѣдь вы знаете, я плюю на все: на жизнь, на себя, на васъ... нѣтъ, только не на васъ“ Фалькъ вдругъ склонился къ рукѣ Черскаго и поцѣловалъ ее съ какой-то удивительной торжественной печалью.

Это уже крикъ о правдѣ, о кусочкѣ правды и Бога, крикъ души, задавленной мозгомъ и поломъ.

Муки рожденія и только—весь кошмаръ и порокъ Пшибышевскаго. Фалькъ, какъ homo sapiens,—переходная стадія и не больше. За нимъ идетъ „освобожденіе отъ неустанной муки жизни“ (слова Скирмунта изъ „Сумерекъ“), работа надъ своимъ освобожденіемъ ничѣмъ не отличается отъ творческаго труда—учитъ мудрецъ Скирмунтъ, запутавшагося въ любви и самомъ себѣ Черскаго. И тотъ, понявши что-то невѣдомое доселѣ, вдругъ преобразился: „Душа его горѣла творческой силой, въ огненный туманъ скатывались безплодные страданія, міры обезумѣвшей мысли, потухшіе горизонты; скатилась въ огненную бездну ночь отчаянія, оборвались черныя тучи пустоты и безнадежныхъ мукъ, и гнѣва, и упрековъ. Въ кипящемъ пламени его души, зажженной новой силой, расплавилась вся его прошлая жизнь, та, которую онъ самъ прожилъ и та, которая вращалась вокругъ него. Тысячами гигантскихъ рукъ онъ схватывалъ призраки, привидѣнія и кошмары, хваталъ ядовитыхъ гадинъ, лже-ангеловъ, наслаждающихся мукой демо-

Іосифъ Гурвичъ.

СЫНЪ ЗЕМЛИ.

моновъ и пустыхъ кумировъ,—хваталъ ихъ вездѣ вокругъ себя и бросалъ въ священный огонь, переплавляя для новаго творческаго труда, для новой жизни возрожденной души“.

Вотъ онъ, долгожданный разсвѣтъ сумерекъ—вторая и необходимая ступень развитія homo sapiens'a—Фалька—homo sapiens Черкасскій.

Удивительно, какъ люди умѣютъ не видѣть того, чего имъ видѣть не хочется, или неужто они этого видѣть не могутъ? Почему ни одинъ критикъ не замѣтилъ Скирмунта изъ „Сумерекъ“, а каждый ругалъ или жалѣлъ Фалька изъ „Номо sapiens“.

Скирмунтъ стоитъ надо всѣми героями Пшибышевскаго. Можетъ быть, въ немъ нашелъ себѣ выраженіе величаво-мудрый, жизненно-проникновенный духъ самого Пшибышевскаго, то, что въ теоретическомъ толкованіи называетъ онъ „нагой душой“.

Художникъ кисти — Скирмунтъ—живетъ въ горахъ и горами, поодаль отъ жизни, настолько могучей душою, что, чѣмъ онъ выше стоитъ надъ жизнью, тѣмъ болѣе и болѣе ею проникаются и въ каждомъ дыханіи своемъ чувствуетъ біеніе пульса міровой жизни. Любитъ мощную и глубокую,—ахъ, какую глубокую, жизнь прекрасной души Ганки, которую онъ спасъ для міра и, какъ свое дитя, послалъ въ міръ.—Художникъ жизни—по новому творить: міръ надъ міромъ. И когда Ганка снова находится въ смертельной опасности (кончилъ самоубійствомъ Черкасскій), какъ ангель-хранитель является Скирмунтъ и второй разъ заставляетъ ее сказать „хочу жить“—„прозрѣли мои глаза“.

Скирмунтъ, словно греческій богъ Аполлонъ (см. Вере-

саева „Живая жизнь“ т. II) невозмутимъ въ проникновенности жизнью. Спокойно и любовно смотритъ на разстилающуюся передъ нимъ землю и живетъ въ правдѣ и Богѣ, Діонисъ—богъ сомнѣнія и порока, мозга и глубинъ мрака—для Скирмунта та же и такая же жизнь, что и скалы, и солнце, и море. И Діониса охватываетъ онъ тою-же любовью: „Блаженны муки и боль, черезъ которыя ты должна была пройти, чтобы выйти на солнечную полянку „дѣтей несказаннаго вѣчнаго блаженства“ — молится Ганка своей душѣ, въ минуты возрожденія. Любовь настолько широкая, чтобы обнять и полюбить мракъ, ее затемнявшій,—да это мудрость.

Вѣрное слово и подходящее. Пшибышевскій не уменъ, нѣтъ, онъ—мудръ.

Онъ постигъ тайну одиночества души. Онъ понялъ, что суть души—стремленіе. Онъ зналъ, что „не я“ всегда ложится во „мнѣ“ — и спустился въ глубины скорби. И эти глубины съѣли сами себя, погасили свою скорбь — и изъ глубокой скорби выросла—глубина радости, тоска по прекрасному, которая сама есть прекрасная, которая создаетъ его однимъ своимъ стремленіемъ.

На что было излить свою любовь душѣ, какъ не на единственное свое содержаніе, на то, безъ чего душа ничто,—жизнь.

Стала жизнь, стало „я“ и „ты“—„міръ цѣлый“ стала мудрость, рожденная въ мукахъ безумія. Любовь побѣдила, какъ въ сказкѣ про Бога.

Муки люди увидѣли, мудрость и жизнь—проглядѣли.

П. С. Езерскій.

В. Холодковскій.

ПОСЛѢДНЕЕ.

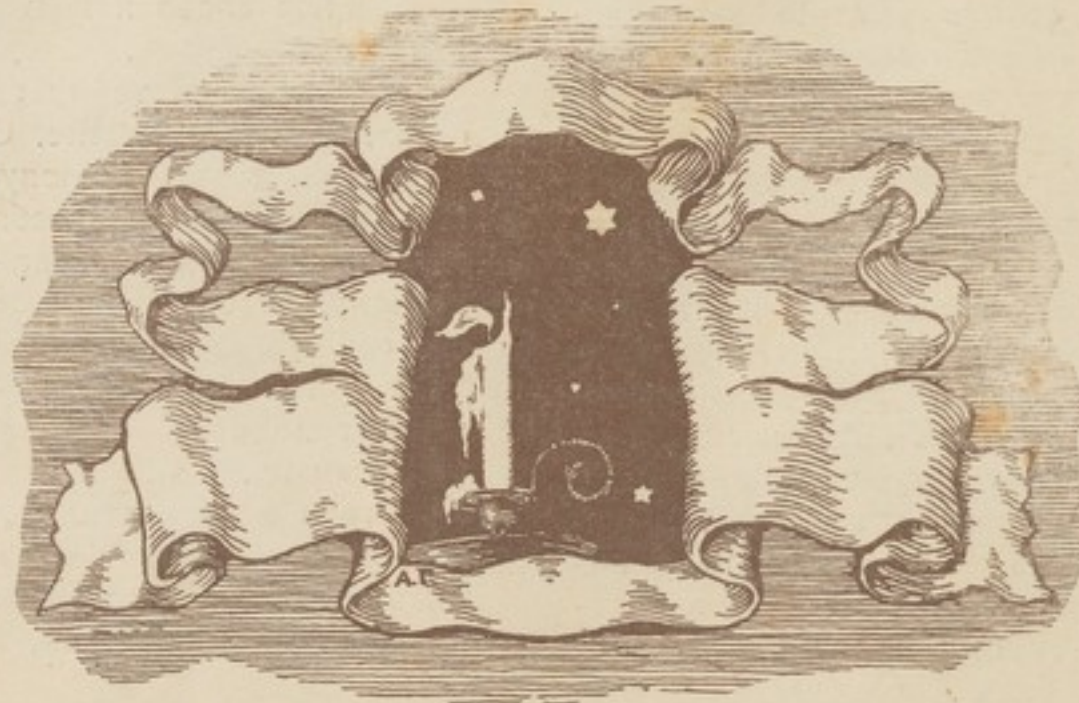
„ . . . Загляжусь въ таин-
ственную книгу
Совершившихся судебъ“.

А. Блокъ.

Я зажегъ три свѣчи, чтобы ждать
Неизмѣрно-великихъ Свершеній.
. . . Острокрылая вѣщія тѣни
Стали медленный кругъ замыкать.

Изъ пещеръ воспаленной души,
Изъ-подъ пепла обѣтовъ солгавшихъ
Выползаетъ величіе лжи
И спокойствіе павшихъ.

Я достигъ заповѣдной межи!
Я схожу по нѣмымъ ступенямъ
Черныхъ лѣстницъ, ведущихъ въ мой храмъ.
Я зажегъ предъ собой три свѣчи.
. . . Озаривъ ихъ улыбкой ступени,
Жду безгранно-глубокихъ Свершеній.

СОДЕРЖАНІЕ.

А. ЛОЗИНА-ЛОЗИНСКІЙ . Maestro (стих.) . . .	1 стр.
ВЛ. ЗЛОБИНЪ . . . * * * (стих.) . . .	2 "
ЛАРИСА РЕЙСНЕРЪ . . . * * * (стих.) . . .	3 "
ГИЛЛЕЛЬ РОЗОВЪ . . . Элька (разсказъ) . . .	5 "
А. ЛОЗИНА-ЛОЗИНСКІЙ . Chimerisando (стих.)	23 "
НИКИТА ЖУКОВЪ . . . О красотѣ и жизни .	24 "
П. С. ЕЗЕРСКІЙ Станиславъ Пшибы- шевскій—Жрецъ свѣта и жизни	35 "
В. ХОЛОДКОВСКІЙ Послѣднее (стих.) .	47 "

КАРТИНЫ И КОНЦОВКИ.

- 1) П. А. ШИЛЛИНГОВСКІЙ . . . „Бѣгство Лота“.
- 2) П. А. ШИЛЛИНГОВСКІЙ . . . Офортъ.
- 3) П. А. ШИЛЛИНГОВСКІЙ . . . Офортъ.
- 4) ЮСИФЪ ГУРВИЧЪ Сынъ земли.

КОНЦОВКИ И ОБЛОЖКА АЛЕКСАНДРА
ГЕГЕЛЛО.

Редакторъ: А. А. Зуева.

ТИП. С. Н. ЧЕРЕМХИНА. ПТГ., ГОРОХОВАЯ, 42.

Издатель: М. В. Силинъ.

М. СОКОЛОВЪ.

МАГАЗИНЫ и МАСТЕРСКІЯ:

Невскій 59, противъ Надеж-
динской улицы.

Невскій, 71, уг. Николаевской
улицы.

ТЕЛЕФОНЪ 55-89.

МОЖНО ДЕШЕВО КУПИТЬ

НОВЫЕ и СЛУЧАЙНЫЕ

ЧАСЫ, ЗОЛОТО, БРИЛЛАНТОВЫЕ ВЕЩИ и СЕРЕБРО.

МАГАЗИНЪ МУЖСКАГО ПЛАТЬЯ

К. Р. БЕНИНГА.

Петроградъ, Вознесенскій просп., 24. Телефонъ 508-40.

ПОЛУЧЕНА ГРОМАДНАЯ ПАРТІЯ НОВѢЙШИХЪ МАТЕРІЙ ИНОСТРАННЫХЪ и ЛУЧШИХЪ
ЗДѢШНИХЪ ФАБРИКЪ, ТАКЖЕ ВНОВЬ ПРИГОТОВЛЕННЫ

ГОТОВЫЯ МУЖСКІЯ ПЛАТЬЯ:

пальто, костюмы и проч., въ большомъ выборѣ.

ФАСОНЪ ИЗЯЩНЫЙ, РАБОТА ПРОЧНАЯ.

Заказы принимаются на всѣ статскія и форменныя платья по самымъ
добросовѣстнымъ цѣнамъ и исполняются въ кратчайшемъ времени.

Поставщикъ Двора Его Императорскаго Величества

Блигкенъ и Робинсонъ.

РЕКОМЕНДУЕТЪ
для ПОХОДА

СГУЩЕННОЕ МОЛОКО
и КОФЕ со СЛИВКАМИ.

„БЛАГО“ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ Т-во,
ПЕТРОГРАДЪ, НИКО-
ЛАЕВСКАЯ УЛ., 44—36.

30 т. по

1 р. 50 к.

ГИМНАЗІЯ НА ДОМУ.

Изданіе состоитъ изъ 30 томовъ большого формата по 250—300 стр. каждый, и снабжено рисунками, чертежами, атласами (въ краскахъ) и проч. Пользуясь имъ, наши подписчики успѣшно готовятъ экзамены на аттестатъ зрѣлости, на всѣ учительскія званія, на вольноопредѣляющагося, на классный чинъ, на аптекарскаго ученика и т. п. Цѣна тома 1 руб. 55 коп. съ пересылкой.

**Академія иностран-
ныхъ языковъ.**

Изданіе даетъ возможность въ наискратчайшій срокъ и безъ помощи учителя изучить въ совершенствѣ французскій, англійскій и нѣмецкій языки. Курсъ каждого языка состоитъ изъ 10 выпусковъ большого формата (больше 1.000 стр.). Цѣна каждого выпуска 1 руб. (Наложеннымъ платежомъ—1 руб. 25 коп.).

**ШКОЛА РИСОВАНІЯ,
ЖИВОПИСИ и ПРИ-
КЛАДНОГО ИСКУССТВА**

„ИСКУССТВО для ВСѢХЪ“.

Изданіе состоитъ изъ 10 том. большого формата роскошно иллюстрированныхъ и даетъ возможность каждому, безъ помощи учителя, практически изучить рисованіе, живопись и прикладное искусство, а также приобрести теоретическія познанія, которыя необходимы для пониманія художествен. произведеній. Цѣна тома 2 руб. (Наложеннымъ платежомъ—2 р. 25 коп.).

**Академія коммер-
ческихъ знаній.**

Изданіе охватываетъ полный курсъ высшихъ коммерческихъ учебн. завед. и даетъ возможность каждому, безъ помощи учителя, приобрести познанія, необходимыя каждому коммерческому дѣятелю. Изданіе состоитъ изъ 15 томовъ большого формата по 250 страницъ каждый. Цѣна тома 2 рубля. (Налож. платеж. 2 руб. 25 коп.).

ПОСОБІЕ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

въ 4-хъ томахъ. Настольная книга по всѣмъ отдѣламъ русскаго языка. Цѣна 1-го тома 1 руб. 50 коп., 2-го тома—2 руб., 3-го тома—2 р. 50 коп., 4-го тома—1 руб.

Въ нашихъ изданіяхъ принимаютъ участіе ПРОФЕССОРА и ПРЕПОДАВАТЕЛИ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній Петрограда.

При редакціяхъ всѣхъ нашихъ изданій имѣются постоянныя бюро, руководящія занятіями учениковъ и проверяющія присылаемыя работы бесплатно.

Подробные проспекты ВСѢХЪ изданій, отзывы печати и тысячи благодарственныхъ отзывовъ подписчиковъ, засвидѣтельствованныхъ нотариусомъ, высылаются бесплатно.

Требуйте подробные проспекты.

Цѣна 15 коп.

